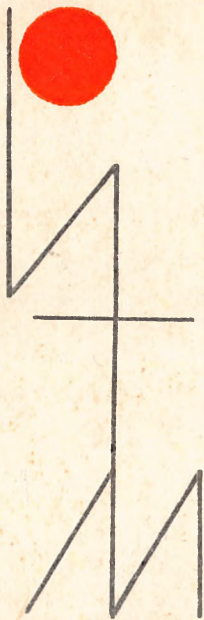

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ • РИТМ • ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

РИТМ • ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ • РИТМ • ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

РИТМ • ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ • РИТМ • ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ • РИТМ • ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

М о с к о в с к и й
р а б о ч и й

Е В Г Е Н И Й
В И Н О К У Р О В

==
1966

P₂
496

7—4—2

ПРОРОК

И вот я возникаю у порога...
Меня здесь не считают за пророка!
Я здесь, как все. Хоть на меня втроем
Во все глаза глядят они, однако,
Высокого провидческого знака
Не могут разглядеть на лбу моем.

Они так беспощадны к преступленью!
(Здесь кто-то, помню, мучился мигренью?)
— Достал таблетки?! Выкупил заказ?
— Да разве просьба та осталась в силе?..
— Да мы тебя батон купить просили!
— Отправил письма? Заплатил за газ?..

И я молчу. Что отвечать — не знаю.
То, что посеял, то и пожинаю.
А борщ стоит. Дымит еще, манящ!..
Но я прощен! Я отдаюсь веселью!

Ведь где-то там оставил я за дверью
Котомку, посох и багряный плащ.

АВТОБИОГРАФИЯ

А надо мной, как меч дамоклов,
Мой смертный час, и я спешу.
Ведь я свой собственный биограф, —
Я биографию пишу!

Где я родился. Где я вырос,
Чем занимался, где служил...
Рубахи нижней длинный вырез
Мне грудь по пояс обнажил.

Вот мелких дел моих реестр...
Я современник свой живой.
Что делать мне?

Ведь я свой Нестор —
Полночный летописец свой.

Кем был. Что значу. И что стою...
Что руку двигает мою?

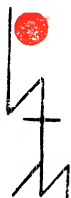
Черту — помалу — за чертою
Я свой портрет воссоздаю.
Я мог бы обозреть, конечно,

Своих деяний громкий круг.
Как смел я! Как любил я нежно!

Я — как отец. Как муж. Как друг.
Как мудр! И где мои истоки.
Намек на что-то — остротца!..
И замер я б навеки в тоге
Неустрашимого борца.

Но откровенности кривая
Несет. Во мне тоска живет,
Грудь перед миром раскрывая,
Как пред анатомом живот.

РИТМ

Катары, астмы и подагры
И прочее — не ерунда.
Так поезжай-ка, брат, под Гагры.
Иль в Ялту. Иль еще куда...
Ну вот уж, право, не хватает,
Чтоб впасть растерянно в скулеж,
Когда за сердце вдруг хватает
Тебя артериосклероз!
И все ж я верю, нет болезней!
Я думаю: болезни — блажь...
Что моря может быть безбрежней?
И бесконечнее, чем пляж?!
Чтобы подкатывали волны
К тебе, — а ты сидишь разут...
Пусть вороваты и проворны
Подтащатся и отползут!
Ты был и мнительным и скрытным.
А водоросли здесь святы!..

Лечить себя на свете ритмом
Неотдыхающей воды!

Ложись щекой на мокрый щебень.
Пусть под тобою мир разверзт!..
На свете ритм воды целебен
Да мерное мерцанье звезд.

ПАМЯТНИКИ

Отпела. Отсверкала. Отблистала.
Что говорить! Все кончено. Прости!..

И памятники сходят с пьедестала,
Чтоб вдаль куда-то через пыль брести.
Они бредут там, где в узлах коренья,
Где капли от дождя, как будто ртуть.
На бронзовые падают колени.
И каются. Бьют кулаками в грудь.

Мне жалко их! Какая это мука,
Все не уметь и все на свете знать!..
На бронзу лба, жужжа, садится муха,
А нету силы, чтоб ее согнать.

И робкие, как бы в часы учебы,
Они стоят там, где следы копыт,
Где камешки. И все то ничего бы,
Да прошлое величье тяготит.

ВЕЛОГОНЩИКИ

Веселые самоубийцы
Мчат, накренившись, по шоссе.
В пятно смешавшиеся спицы
Поблескивают в колесе.

Ведь есть автобусы. Трамваи!..
Покинули родимый кров!
Иль мало вам поотрывали
За всю историю голов?!

Им ли листать томов страницы,
Вспоминанья вороша?!
Веселые самоубийцы, —
Им сладок ужас виража!

Неужто же все песни спеты?
Вот тот сидит: кум королю...
Мчат по шоссе велосипеды,
Припали головы к рулю.

О указательные знаки!
Вы не для тех, кто половчей!

Какие делают зигзаги
Меж «ЗИЛов», «Волг» и «Москвичей»!

Что гонит? Вместе всех и порознь!
Какого надо им рожна?
А ничего! Одна лишь скорость
На этом свете им нужна.

Чтоб от дороги, не иначе,
Был угол к линии спины:
Они решением задачи
Статической увлечены!

Чего бояться? Если даже —
Удар! На людях смерть красна!
Что смерть? Ведь если это в раже,
То как проснуться ото сна!..

Велосипедный мир в упадок
Придет еще не скоро. Вот:
Великая работа пяток
Все злей и злей из года в год.

Лети, не ведая покою!
А воля? Иль она слаба?!
Лишь только иногда рукою
Пот все же вытирай со лба.

Так жми сильнее на педали,
К рулю щекою припади

И где-то в беспредельной дали
В пыли дорожной пропади!..

Ну что же, глянем беспристрастно:
И прежде были рысаки.
Ты хочешь рассекать пространство?
Ну что ж, прекрасно! Рассеки!..

Чтобы, застыв в безмерном крене,
Лететь на дом, на столб, на сад,
Чтобы ходили вверх колени
До подбородка и назад.

Руками лишь всплеснешь: — Поди ж ты!
Им все пустяк! — Осенним днем —
Шоссе. И велосипедисты
Как бы кузнечики на нем.

В канаву сядет, чуть не плача.
А раньше ехал фон-барон!
Что это? Спала передача
Или не выдержал баллон?!

Регулировщик, делай пассы!
Но ведь среди городских громад
Великой смелости запасы
Их изнуряюще томят.

Ее оставил дед и прадед.
Любой был в скорости горазд!

Они ее и жгут, и тратят,
И скидывают, как балласт.

Их било. Ноги им ломало.
Казалось — хватит. Прекрати!
И все ж ее еще немало
Под майкой слева, на груди.

Вот встала с лошадью повозка.
Удар! И вот уж мертв и глуп
Лежит, и синяя полоска
Взамен потрескавшихся губ.

А ничего — сработал чисто!
О дышло прямо головой...

Могила велосипедиста
Вовек не зарастет травой...

Так вот она пришла расплата
За безрассудство этих трат!

...Их кепочки, как бы опять,
Опять на улицах пестрят.

Что там ни говори, а мне дороже
И все милее с каждым годом мне
И ритм деревьев, зябнущих до дрожи,
И ритм капли на моем окне...

И от того, что сущность мира скрытна
И до сих пор темна еще она,
Нам истина того простого ритма
Как истина последняя дана.

Когда, оставив на земле заботу,
Я уходил в стремительный полет,
Я ощущал безмерную свободу
Раскинуть руки и смотреть вперед...
И надо мной, как древние ветрилы,
Шли облака с антенной наравне.
Во мне в то время подымались силы
И зарождалось мужество во мне.
И, ребра крыши чувствуя боками,
Вдыхал жарой расплавленную жуть...
Меж мужеством и теми облаками
На свете все ж соотношенье есть!

Я не ходил в атаку безоружен,
Срываясь, ледника не открывал,
Но если б символ мужества был нужен,
Я облако тогда б нарисовал.

А лет под девяносто чечетку оторвать.
«Дедок на той неделе прошелся колесом», —
Оповестят в разделе «Немного обо всем».
...А ты писал ведь кровью с собой наедине!..
Вчера журнал «Здоровье» был вновь подослан
мне.

АРТЕЛЬ ПО ВЫВЕДЕНИЮ ПЯТЕН

Над драгой с золотом потели...
С пилой за тридевять земель...
Есть в мире разные артели,
Но это тоже ведь артель!

Вид человека неопрятен,
Коль не отправит в чистку брюк.
Артель по выведенью пятен,
Пыхтя, не покладает рук...
Коль пятна от вина — гуляка.
Халаты в йоде — у врачей.
Тут пятна от микстур, от лака,
От дегтя и от щелочей.
Мир в самом деле необъятен!
Чего-чего в нем только нет!
Артель по выведенью пятен
Скоблит и трет, глядит на свет.
Бывает всяко на планете.
Сюда идут как бы на суд.
И даже маленькие дети
Свои передники несут.

Прими крахмальную манишку.
От пятен прежних ни следа!
Твое пристрастие к винишку
Мир не узнает никогда.

А это? Ром? Или томаты?
Ведь часто капает с бород!..
Опасный след губной помады
Артель в мгновенье уберет.

Что за полоска? В самом деле?!
Цвет у полоски голубой?!

Так это, помнишь, мы сидели
Весною на скамье с тобой!..

Хотя бы сверху только — ладно!
Полою о полу потри!
А то бывает так, что пятна
Вдруг проступают изнутри.

Пятно навеки опорочит!..
Артель бессонно на посту:
Суконки грозно спиртом мочит,
Макает щетки в кислоту.

Когда ж бывает непонятен
Пятна генезис, тут как тут —
Доцент по выведенью пятен!..
На консультацию зовут!

И он определяет разом:
«Да, консистенция жирна!»
Почти не видимые глазом
Закономерности пятна.
И судит он, подобно магу:
«В особом случае таком
Через вощеную бумагу
Прогладить надо утюгом!»

И так с восхода до заката
Идет потеха. Труд как труд!
Кряхтят бойцы. Идет зарплата.
Скребут. Скоблят. Счищают. Трут.
Пусть бархота поверхность рыта.
Где тут ликер?! Где пастила?!
В поту ребята. Шито-крыто.
Идет работа. Ну дела!

Когда же в мире троекратно
Архангела раздастся глас,
Артель по выведению пятен
Толпой предстанет в тот же час.
И богу сумрачному в пику,
И к справедливости глухи
Расчетную предъявят книгу,
Где все отчищены грехи...

Но есть одно: раз осенило
Меня на два иль три часа!
Случайно капнули чернила

Ко мне на свитер — как роса.
Пусть все сотрут борцы артели!

Но я бы все же сохранил
Вот это — видимое еле —
Святое пятнышко чернил.

ЗЕРКАЛА

Как трудно оторваться от зеркал
В семнадцать лет! И служат зеркалами
Река Москва и озеро Байкал,
Браслетка и стекло в оконной раме.

С велосипедом парень. И как раз
С девчонкою наладилась беседа!
Она молчит. И все ж скосила глаз
На никель обода велосипеда.

И девушка-геолог попила,
Рюкзак огромный скинув, из болотца,
А все глядится... «Встань! Уже пора!..»
А все никак, никак не оторвется.

Наверное, в том все же что-то есть!
В трюмо себя счастливым взглядом смертью!
Но где-то там за все готова месть:
Завешивают зеркало при смерти.

Поэту все мешает на планете:
Когда соседи рядом гомонят.
Молчание, и если плачут дети,
Коль есть семья, и если не женат...
И он, как знахарь, не спеша мешает
Все то, что закипает в глубине.
Поэту в этом мире все мешает:
Воротничок, картина на стене...
Он, как сквозь чашу, движется сквозь вещи.
Здесь топь. Мгновенье. И смотри: погряз...
...Он гонит все, чтоб проступала резче
Та суть, что укрывается от глаз.

ИСТОРИЯ

(1941)

На улице, и средь застолия,
И в час, когда лежал больной,
Всем верховодила История.
Она стояла надо мной...

А я в совхозе сено кашивал.
Следил глазами поезда.
И — маленький — ее я спрашивал:
— За что? Кому? Зачем? Куда?..
Темнело. Стало что-то ветрено!
О косу я водил брусок...
Знал: мне увидеть предначертано
Ее, Истории, кусок.
Трассировали в небо синее,
Пересекая ночь, тогда
Ее светящиеся линии.
~~Ее гремели поезде.~~

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

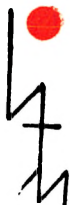
Я научился понимать
Явления большого ряда...

Меня вела за ручку мать
Туда, на таинство парада...

Сперва пехоты шли полки.
Вдруг пушки — без конца и края!..
И, страшно выкатив белки,
Я только охнул, обмирая.

Людей пугая не со зла,
В воинственных доспехах бранных,
Мощь государства снизошла.
В знаменах. В трубах. В барабанах.
И чтобы шире даль была,
На плечи взял меня верзило...

Меня до пяток потрясла
Вдруг государственности сияе

Бьют в камень миллионы ног.
Пехота движется морская.
И маршал, вытянув клинок,
Стоит, колонны пропуская.

И снова ужас охватил
Мистический, как и вначале,
Когда о стонущий настил
Тупые танки застучали.

...На площади клочки сенца.
Дрожит под маршалом кобыла...
И государство, как птенца,
Меня крылом своим накрыло.

НАЧАЛО НАЧАЛ

Вот мы, голые, встали пред военкомом.
Вот нам пальцами доктор о грудь постучал.
И за окнами криком густым, незнакомым
Паровоз объявил о начале начал...

Бьется кружка с противогазной коробкой.
Эй, приятель, да ты побледнел неспроста!..
Он недвижим. И медленно божьей коровкой
Капля алая вытекла вдруг изо рта...

И пошло. Словно тесто, что выпеклось комом,
Лагеря и бараки. Поспать бы, поесть.
С той минуты, когда мы пред военкомом
Молча голые встали — такие, как есть.

До мая несколько недель,
Но с крыши нашей жилконторы
Стучит тяжелая капель, —
Я остро чувствую повторы.

Я ритм улавливал во всем:
И в том, как каркала грачиха,
И даже в том, что за овсом
Шла белой полосой гречиха.

Брала порою даже злость,
Покою не знавал за сутки.
За стенкой забивают гвоздь —
Я ж отмечаю промежутки.

Иль вот сидишь себе в гостях...
Но хватит умножать примеры!
Короче, я вдруг поднял стяг
Восстанья против четкой меры.

Я думал, хаотичен свет
И все навалено навалом,
А пульс стучал мне: нет да нет
С определенным интервалом.

СТИХИ О ПРЕУВЕЛИЧЕНИИ

Я славлю преувеличение.
Мне сладок ужас крутизны.
Посредственность робка — лишь гении
В бесстрашной выдумке сильны.

Что было мелко, то как не было!
Я славлю ужас виража,
Когда безмерная гипербола
Нам подымает волоса.

Я славлю преувеличение.
Не мелкотравчатую ложь,
Но вымысел, где тем не менее
Всё истина одна лишь сплошь.

Дороги легкие, пологие
Ведут всего лишь в анекдот.
Но на вершины мифологии
Тропа безудержья ведет.

Дым и огонь — нет соответствия!
На сень столетий подымив,
Из мизерного происшествия
Великий разрастался миф.

...На бытовую мелочь плюнувши,
Такое вдруг нагороди,
Чтоб дерзко вспыхнул взгляд у юноши,
Чтоб застучало бы в груди.

Куда кривая бы ни вынесла,
Мир все равно тебя простит!..

Загадочная птица вымысла,
Крыла раскинувши, летит.

ИДЕТ МОЛЬЕР

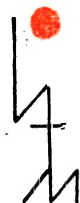
Идет спектакль. Идет Мольер!
Идет? Несется во весь карьер!..
Невеста. Сводня. Жених. Отец.
Хвостун. Мыслитель. Чудак. Хитрец.

Здесь что минута — другой типаж!
Гризетка. Циник. Аббат. Апаш.
Старушка вяжет. Влетел нахал.
Поет гуляка, подняв бокал...

Идет спектакль. Идет Мольер!
Идет? Несется во весь карьер.
Хоть почву в метр перепашаи —
Как репки, вырастут вновь типажи.

Кудряв — мечтатель. Бедняк — горбат.
Скупец. Ученый. Транжира. Фат.

Один в нарядах. Другой разут.
Спектакль мчится! Они идут.
Конец!.. Но снова! И в свой черед:
Злодей. Красавец. Святой. Урод.

ОДИНОЧЕСТВО

Из пушек бьют. Идет игра за кроны.
Блистают шпаги в глубине траншей...

А жизнь обычна. Есть у ней законы,
И знаю: нет их ничего страшней!

О, горестная повесть одиночек
Квартиры коммунальной. Без волчка.
Нет, не Дюма, а Диккенс. Добрый счетчик
Здесь роль играет верного сверчка.

А к Тюильри съезжаются кареты.
Выходят люди в масках и плащах...

Но в доме ни единой сигареты.
Жирок застыл кружочком в старых щах.

Котловой кашею ожег
Свой рот, похлебкой крупяною...

Жестокий жестяной рожок,
Дрожа, будил меня весною.
И что там ты ни городи,
Каким ни притворись рубакой,
Но сердце юноши в груди
Стучит в казарме под рубахой!
Какая в небе чистота!
Глаза пылища забивала!

Но, словно кровью изо рта,
Исходит песней запевала...

Хоть плохо скроен, крепко шит
Мир. Крикни и присвистни!..
И, как рожок, душа дрожит
По быстро уходящей жизни.

СЕРЬЕЗНОСТЬ

Кричим, шумим, хохочем,
Но посредине дня
Серьезность, между прочим,
Вдруг посетит меня.

Как бы колдун колдует!..
Она не без причин
Мне на чело надует,
Как на реку, морщин.

Не соловей о розе!..
Я движусь напролом —
На полном «на серьезе»
Сижу, скребу пером.

Не слизыванье крема
Иль пенки с молока!..
Центральная проблема,
Как бездна, глубока.

Какое продолженье
С потерю ферзя?!
Серьезно положенье.
Серьезней быть нельзя!

Я не меняю позы,
От лампы резкий свет.
Поставлены вопросы,
Я должен дать ответ.

Пифагореец мелет
Про тайны разных числ,
Но все же мир имеет
Какой-то главный смысл.

Конечно, не снаружи,
Конечно же, внутри!
Перо сжимай потуже
И в суть вещей смотри!

Я думал: я не вечен!
Коль так, то все — слова!
И я бывал беспечен:
— Все пена! Трын-трава!.. —
И в мир я верил слабо,
Во все его дела.
Но на плечо мне лапа
Серьезности легла.
Я, не жалея пыла,
Кричал: — Мне все равно!.. —

Серьезность же ступила,
Как через бинт пятно.
Мне дух ее явился,
И думал, что умру!
Я шуткой подавился,
Как костью, на пиру.

Суровы в мире песни.
Серьезны фонари.
Серьезен мир, хоть тресни.
Хоть лопни. Хоть умри.

Жизнь — это конь, что рвется из удил,
Что вертит крупом, скинуть наземь мятя...

Жизнь может вдруг подмять, — и я ходил
С рогатиной на жизнь, как на медведя.

Жизнь — это бойкий ботик посреди
Бездн и высот. Гребни же, бел от злости...

Тебе ответ? Так вот он: победи!
Как сказано в грузинском древнем тосте.

Вскинь классический лук и сквозь щель амбразуры
Жертву высмотри и поразил..

Вы порхали легко, фронтовые амуры,

Ваши крылья в крови и грязи.

Ваши стрелы — они беспощадны и метки.

В блиндаже что б поделать смогла

Санитарочка — только что из десятилетки, —

Если в сердце попала стрела?

Вы летали свободно, босые ребята,

Не боясь под бомбежку попасть,

Чтобы в рыжих глазах диковатых комбата

Загорелась тяжелая страсть.

Чтоб текло бы под пальцами девичье тело

Да лохматой овчины: пола...

Только перышко, колыхаясь, летело,

Мягко выпавшее из крыла.

ИГРА

А на земле идет гигантская игра.
Играет море. Облака играют.
Мальчишка, меч держа, кричит: «Пора!
Айда играть! Команду собирают!..»
Как в мире разыгралось все — смотри!
Играет крупом конь — струится грива.
Играет свет и тень. И фонари
Подмаргивают в сумерках игриво.

...Мне тож не чужд безудержный азарт,
Но я не выношу игры без правил!
Нельзя фигуру отдавать назад,
Уж коль противник твой ее подставил.
И взгляда вбок лукаво не коси,
Подобно хитроватому авгуру,
И сам, смотри, обратно не проси
Потерянную второпях фигуру.

Бьет карта карту. Нечет! Снова чет!
Игра идет по крупной. Просят сдачи.
«Ты жил!» — «Да, жил!» — «Так вот пришел

расчет.

НАСЛАЖДЕНИЕ

В окне полуовальном — зданье,
Портал, ворота, как пролом...
И — словно школьное задание —
Он водит, нехотя, пером.

Но, понемногу пламенея,
Он подошел к такой черте...
И вдруг внезапная идея
Все осветила на листе.
И вот огонь уже играет,
И вот котел уже кипит.
Он только руки потирает,
И только стул под ним скрипит.
Приговоренный самосудом
К служенью, он, как Вечный жид.
И вот по жилкам, по сосудам
Истома, булькая, бежит.
И все пройдет: стихотворенье,
И стул, и за окном портал...

Но вечно это наслажденье,
Которое он испытал!

УХОД

Добытое за жизнь с таким трудом,
С таким азартом и с таким запалом,
Вдруг кинуть все: очаг, семью и дом,
И, палку взявши, вдаль уйти по шпалам...

«Не понимаю! — пусть кричат друзья, —
Ведь это же ни с чем не соотноси!»

В том, видно, что-то есть! Подчас нельзя
Преодолеть извечного соблазна.

«Не понимаю! — пусть кричат. — Хоть режь!»
Пусть спорят, негодуя и смекая...

Тебе ж сидеть, помешивать кулеш,
Смотреть, сощурясь, в пламя, на мигал.

Я позабыл ее давным-давно,
И соль слабеет на открытой ране!

Но вдруг бывает случаем в кино
Мелькнет знакомый облик на экране.
Как я бродил по лужам ночью той!
Вокруг был город: башни, трубы, шпили...
Но кончено! Все это за чертой,
Ее давно уже похоронили.

Но кажется порою, что вот-вот —
А это будет поздно или рано —
Она меня неожиданно позовет
В трамвае, среди улицы, с экрана.

СЕРЖАНТ НА КОНЦЕРТЕ

(1942 г.)

Спит сержант на концерте,
Упав на барьер головой.
...Там актеры как черти
По сцене бегут круговой.
В тонких юбочках феи
Там ножками бьют на лету.
Знатоки, корифеи,
Ценители в первом ряду...

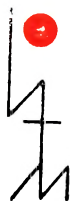
Спит сержант на концерте.
(Он топал по вмятинам шпал!..)

Захотелось до смерти
Уснуть... Головою упал.

Гул все глуше и глуше.
А вот и последний хлопок.
И гигантские лужи
Стоят у гигантских сапог.

Спит сержант на концерте.
(Дороги вовсю развезло!..)

Как спалось мне под Верди!
Как было светло и тепло!

Низка моя осадка:
Набит мешками трюм
До края. Скажем кратко:
Да, я тяжелодум!
Жизнь дьявольская штука.
Мне легкость не с руки:
Ворочаются туго
Тяжелые белки.
Ворочаются в мозге
Слова. И будут впредь...
Ах, словно б на подмости
В один прыжок влететь!
Надбровия нависли...
А я ведь не глупей!
Ах, мне пускать бы мысли —
Бумажных голубей!
Раздуть пузырь из мыла.
Ах, сколько здесь утех!
Чтоб легкость изумила
И этих бы и тех.
С осанкою сутулой
Сижу, перо держа...

А дума вслед за думой,
Как за баржой баржа.
Мысль, словно бы заноза, —
Попробуй извлеки.
Я силюсь: кровь из носа!
Потуги велики!
Я занят только сутью...
Болотный пласт упруг,
Я налегаю грудью
На неуклюжий плуг.
Вот лопнет перепонка!
За гатью снова гать...

Ах, шариком пинг-понга
Над безднами б скакать!

Когда я был весел, когда я был молод,
Размотан был шарф и распахнут был ворот.
И волосы взрыты. И щеки румяны.
И были забиты ладони в карманы.
И был я нахален. И был я упрям,
Считал: путь поэта, как линия, прям...

ВЕРТИКАЛЬ

В веках тропинка красоты окольна,
Смысл красоты побочно вытекал.
Она-то ведь как будто колокольня —
Нужна же, мол, в деревне вертикаль!

Пусть никого не манит позолота.
Цель у меня на все года одна:
Лишь только б дрогнул тонкий трос от лота —
Вот верный знак, что он коснулся дна.

●

Ты надулась опять сегодня,
Как обычно это бывает,
Если я прихожу позднее,
Чем тому положено быть.
Ты сердито гремишь на кухне,
И стремительно хлопают дверцы
У того невысокого шкафа,
Где лежит в корзиночке хлеб.

И тогда я пальто надеваю
И спускаюсь по лестнице снова,
Чтоб, пройдясь под парящим снегом,
Наконец-то обдумать себя.
Неужели я тот же самый,
Что в пять лет сообщил тщеславно
Во дворе, что всего Карла Маркса
Я уже давно прочитал?
И неужто я тот подросток,
Что, смывая кровь после драки —
Был один я, а их было восемь! —
Понял вдруг, как реален мир?..

ТЕЛО

Прямо, поступью чеканной,
Словно бы солдат с поста,
Появляется из ванной
Голая кинозвезда.
И стряхнуть не сиясь воду —
Ей лавровый бы венок! —
Демонстрирует народу
Оголенность наглых ног.

Вопли богословских споров!
Тыщи лет: хула! Хула!..
С колоколен всех соборов
Дико бьют колокола.
В кружку падают динары.
Братия бредет, боса...
Тело хают кардиналы,
Руки вскинув в небеса!

Женское блистало тело
На постелях.

Не в гробах...

То белело, то желтело
Через вырезы рубах.
Телу этому рожать бы!
Обнажается дабы,
Загореть во время жатвы
И во время молотбы.
К сорока годам увянув,
У дородной попады
Тело прет из сарафанов,
Как опара из бадьи.

К открыванию Америк
Подготовлены юнцы.
А на теле от бретелек
Темно-красные рубцы,

Голая поет на нарах
Женщина во весь барак!..

В изумрудах и опалах
Плечи дамы на балах.

У Зола переняла
Ножка ножку бьет хитро...
А из пены пеньюара
Грудь круглится, как ядро.

Вот у волейбольной сетки
Встала в трусиках с мячом,

И две оспинки-отметки
Между локтем и плечом.

При стечении округи,
При стечении большом
Бродит баядера — руки
Вскидывает голышом.

О, цветок кафешантана!
Все мужчины без ума!
Черта, дьявола, шайтана
Нет ли на лбу клейма?

Пляж. Из тростника кабина.
Вышла. Ну, смелей! Иди!..
Ничего — лишь два рубина
С беломраморной груди.

В женские тела, как в реки,
Входят. Но ведь, как богам,
Древние молились греки
Шеям, бюстам и бокам!

Здесь величию нет предела!
Глянь сквозь слезы, не дыша!
Разве же в изгибах тела
Не скрывается душа?
Все от пят до самых дланей
На холстах отражено...

Скотство низменных желаний
Все ж таки таит оно!
Обнаженное несмело,
Девочек, теток, молодых.
Предано проклятью тело!..
Вечно восхваляем дух.
Дух, тебя встречать «Осанной».
Плоть, тебе позор всегда!..

Почему ж идет из ванной
Нагло так кинозвезда?!

Я много знал, я много видел
И многое позабывал.
Я кровь рукой у друга вытер
Со лба. Он в поле наповал...
Табак выменивал на мыло,
Ловил морковку в блеклых щах,
Тогда страна меня кормила
С ладони.

Жил я натошак.

Кленок за гарнизонной баней —
Я видел как-то раз — пророс.
А я застешки рвал зубами
На ранце во поле, в мороз.

Я у костров любил коптиться.
Носки под желобом стирал...

Поэзия, моя жар-птица,
К тебе я руки простирал!

Я жил, в быту изнемогая...
Но, как орел, что хмур и смел,
Глядит на солнце, не мигая, —
Вот так я на тебя смотрел.

ЗРЕЛИЩА

Ты незаметно все-таки созреешь
Для постиженья острой новизны.
Ты ночью возвращаешься со зрелищ.
Ты будешь спать. Ты будешь видеть сны.
Я полагаю, нету балагана
Пестрей, чем жизнь. Я в памяти припас
Гром мотоциклов, пафос барабана,
Веселость масок и тоску гримас.
Я говорил: и если ты не робок
И если не боишься пестроты,
Иди вперед. Есть много в жизни тропок.
Иди по ним и... только ахнешь ты!

Вот мы живем. Немножко что-то ноем:
Все, дескать, будни. Нету их мелей.
Вдруг зрелище: выносятся прибоем
Сверкающие чудища морей.
Доводит до безумья страсть иная.
Я зрелищ раздражающих алкал,
От гонок мотоциклов начиная
До комнаты кривлявшихся зеркал.

И зрелища передо мной плясали.
То яркость охр, то желтизна мастик!
И, как картошка жарится на сале,
Шел треск от фейерверков и шутих.

И подползали зрелища, как звери,
И делали вокруг меня круги.
Глаза сверкали. Пасти розовели.
Приоткрывались медленно клыки.
А скоморохи выставляли рожи,
То хохот, то тоску изобразя.
Я наблюдал процессии, — и строже
И чопорней вообразить нельзя!
Чего-чего, а зрелищ было много!
Смешней, чем цирк, страшнее, чем расстрел.
В сообществе с людьми — не одиноко —
И я на эти зрелища смотрел.

Толпа, как тесто, — нет трудней замеса...
Взбегает в небо планер по жнивью.
Клубится литургия, стонет месса.
И в юбочках выходит «Айс-ревью».
Был стадион пестрее, чем саванна.
Плясал мулат, сняв шапокляк в бистро.
Вот зрелище ночного котлована —
Все в огоньках гигантское нутро!
Как мы тогда во все глаза глазели
Я так же изумлялся, как и все.
И я летел, кренясь, на карусели.
На чертовом кружился колесе.

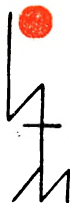
Китайские на стенах ходят тени.
На ринге клоун прыгает — носат.
Миг — и балет классический на сцене
Спускается, как авиадесант!
И все казалось мало, мало, мало.
Я всасывал в глаза свои балет.
Тогда администрация взымала
Уж четвертную плату за билет.
Бежали кони группкой разномастной.
Мы, вымокшие, жались у перил.
И, словно тяжелой схватываем астмой,
Я воздух ртом в отчаянье ловил.
Нам что! А им, актерам, может статься,
Невмоготу. Так за верстой версту
Шла женщина дорогой трудной танца
В сверкающей тунике и в поту.

Мы ежились на зрелищах, как в душе.
Бежали к ним, как в поле, как в леса.
И зрелища нам раздирали души
И подымали дыбом волоса.
Но все-таки есть и дрянной народец,
Что ожидает, стоя вдалеке:
Когда ж сорвется вдруг канатоходец,
Когда ж пилот не выйдет из пике?

Но есть на свете зрелища за гранью,
Как говорится, и добра и зла.
Гремит киргизский праздник козлодранья,
И кровь толчками хлещет из козла.

Я верую в необозримый тезис,
Что этот мир был создан напоказ!
Я видел как-то, с самолета свесясь,
Извилистый, как будто мозг, Кавказ.
И, на глаза не надевая шоры,
Я жил. Входи! Давай — билет купи!
Мои глаза, как будто два обжоры,
Все смачно пожирали на пути.
Но фильм подчас закрутят в десять серий!
И мы почти уж падаем без чувств
При зрелище немислимых мистерий
Публичных таинств и святых кощунств.
Чуднее свадеб и ужасней боен.
Тянулся, как слепец к поводырю!..

Закинув руки, средь травы, спокоен,
Сейчас я в небо чистое смотрю.

ИСКРЕННОСТЬ

Мне б вывернуться наизнанку,
Как искренним я быть хочу!..
Так в ночь кодируют морзянку,
Глухому так кричат хрычу.

Лицо. Мое лицо! Не маска.
А ну дерзни-ка, нараспах!..
Вранье тягуче, как замазка,
Все вязнет на моих зубах.

Закружен, как коловращеньем.
Тошнит, как от гнилой трески!
Выплываю с отвращеньем
Как будто легкого куски!

У искренности нет маршрута.
Ее тяну я — поддержи! —
Из поджелудочной, оттуда,
Из глубины, от железы.

Как Дон-Кихот, — в любых беседах —
Мощь испытать на ветряках!..

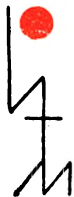
Чтоб все вот так, а я вот этак,
Смотрите нате — вот я как!

Той искренности подноготной
И самой подлинной хочу,
Не нужной, никуда не годной,
Той, что и мне не по плечу...

Как чистая вода под ряской, —
Я б пил, рукою отведаю...
Той и бестактной и дурацкой!
Ее хочу я, как дитя.

Той, что мне, может, станет ямой,
Той, что как встану ото сна!..
Хочу ее одной, той самой
Что — и настолько — не нужна.

ВЕЛИЧЬЕ

Мы верили тогда в жилище,
В тепло. Жевали вокруг стола...
И все-таки тогда в величье
В нас вера в глубине жила.

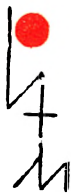
В нас все, казалось, засыпало...
Зевали. Споры. Домино.
Но вдруг как бы струею пара
Под поршнем — зашипит оно.

Я жил притихшим и негордым.
И воля не обострена!..
Но вдруг нечаянным аккордом
Величья зазвучит струна.

СПОР

Да! Торжествуют в поле,
Противника поправ!..
А кто же в нашем споре
Окажется вдруг прав?
Мечи? Что в том картоне!
Других же нет примет...
Он выставил ладони,
Как будто аргумент.
Он пробует, упарясь,
Как бы схватить ферзя...
Я поднимаю палец:
— Э! Так нельзя! — грозя,
Я подбираюсь с бока...
Я чую неприязнь...
Тут он берет на бога,
Беснуясь и плюясь.
— Однако ты полегче!
Ну, знаешь, брат, не шей!.. —
Развел руками — плечи
Касаются ушей.
Но вот уж он, как другу, —

Мол, в толк взять не могу! —
Прикладывает руку
с доверьем к пиджаку.
Но, как в трясине, в гаме
Я вдруг опять погряз...
Я комнату шагами
Измерил двадцать раз.
Не спор, а рукопашный.
Не диспут, а слалом...
И остается каждый
При мненьи при своем!

РИСК

Все в мире начиналось с риска.
Я в руки передал из рук, —
И все ж к учителю записка
На физике попала вдруг.
Что в мире может быть без риска?
Вдруг как-то встал
и по путям
Пошел, и сразу ж дом, прописка,
Семья — вся жизнь! — летят к чертям.
Мир — это риск.

Все мирозданье
Как будто бы накрено.
А как опасно прорастанье?
Всегда на риск идет зерно.
Быть в мире, не рискуя, — низко,
Ведь мы же быть хотим людьми!
В конце концов, и зубочистка
Подчас опасна, черт возьми!
Легко ль хождение по канату?
Немного побледнев с лица,
Как сладко разбирать гранату

Неведомого образца.
И прожит день, считай, без толка,
Коль не было в тот день высот,
Но сразу ж славно жить, лишь только
Под ложечкою засосет.
Как смело верх берет хористка!
Рыбак рванул — сорвется сом!
Ведь злая соль святого риска
У нас подмешана во всем.
Вдруг в рост подняться на траншее...
И не поставят обелиск!
...Но нет фундамента прочнее
Для наших дел земных, чем риск.

«Подумаешь, какое дело?!
Да это ж: плюнул и растер!..»

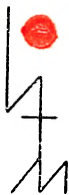
Но кто способен обалдело
Взойти, бледнея, на костер?
Все хороводятся вначале!

Был ствол сосны бездумно прям.
И утром небо мы встречали,
Расколотое пополам...

И все прошло. А мне забота?
Но ранку прожигает йод.
За понедельником суббота
В конце концов да настает.
Так что же значит: «Здрате!» — «Здрате!»
И разошлись. «Привет!» Чудно.

А небо?.. И две равных части
Соединяются в одно.

*

СОРОК

— Сорок! — кричу я. — Сорок!..

Есть разные степени
представления о счастье.
Первая степень: сухие ноги...
Я ощущаю сухость, как подарок.
Нога нежилась в сапоге,
сладострастно томилась.
Я шевелил пальцами, и ничего
не хлюпало и не чавкало.
Наоборот! Тепло поднималось
вверх и разливалось по телу,
наполняя меня радостью.
Нет, не радостью,
а каким-то странным щемящим
счастьем, чуть-чуть грустным,
потому что оно казалось непрочным...

Я сижу у железной печки,
почти прозрачной от нагреха...

— Сорок! — кричу я. — Сорок!..

И мой сосед, откусив не спеша мокрый клочок
газеты,

протянет мне тот
окурок, которым я затынусь...
Я зажмурю глаза,
и где-то в глубине груди,
как пчела,
ужалит меня первая затяжка...

Я не беден. Что такое бедность?
На мне хлопчатобумажные брюки.
На голове суконная пилотка.
Для постороннего глаза пилотки
все на одно лицо. Все
цвета хаки, все в пятнах от пушсала,
мятые.

Но для нас каждая — индивидуальна
своей особой, острой индивидуальностью.
Я различу свою в гряде пилоток всего полка!
Сваленные в кучу,
они представляют из себя
толпу индивидуальностей.
Я знаю пилотки соседей!
Новые, стандартные,
абсолютно свежие, как майские листочки,
они уже через час бьют в глаза
чем-то личным...
Что это?

Форма ли бритой
округлой мальчишеской головы,
которую пилотки принимают
покорно, как вода форму сосуда?
Если дневальные перепутают их ночью
во время уборки,
утром все равно мы за одну минуту
расхватаем их.

Бедность? Что это такое?
Разве я беден?

Я замерзаю в поле. Я хочу курить.
И вдруг я вижу, что сосед
сворачивает закрутку.

— Сорок! — кричу я. — Сорок!..
И вот я обретаю возможность
ожечь, затянувшись, грудь.
Я иду полями. Я сижу
над горкой углей...
Вдалеке, как в щели сарая,
алеет закат...
Я не беден — я молод!

— Сорок! — воинственный клич
моей молодости.
Сигнал о бедствии — «SOS!»
среди снежных равнин.
Крик о помощи! Крик отчаяния.
Это пароль, по которому

мы узнавали друг друга.
Вопль веры в человека.
Священное число пифагорейцев.
Крик счастья,
подобный крику «Земля!»
на измотанном качкой корабле
или подобный крику «Эврика!».

Вот «неотложка» едет на дом
На встречу с бледною женой...

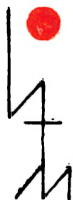
Потом склоняется анатом
Над алой полостью брюшной.
Пусть день, как карта, что краплена, —
Жить за свою судьбу дрожа?..
А человек, он из капрона,
В нем только хороша душа.
Пред смертью пусть не клонит выи
Вот этот или тот гордец.
О вы, явленья мозговые,
О, разрушения сердец!
Соединительные ткани,
К суставу прикреплен сустав,
А в человеке, как в стакане,
Кипит химический состав.
И пусть летит все мимо, мимо.
И пусть подводится черта...

Но жажда жить неустранима,
Как пар зимою изо рта.

ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

Еще дым не осел. Но уже красно
На горизонте! Мы в саже и поте.
Ветер свеж. Ничего не ясно...
Песню пойте!

«Мир приключений» — был такой журнал.
Я, помню, раздобыл подшивку где-то...
Кто не сидел над нею до рассвета —
Тот сам себя безбожно обкорнал!
И как гигантский стонущий насос,
Я всасывал в себя ночное чтиво...
Надвинутая кепка детектива.
Корабль, затертый насмерть льдами. «SOS!»...

Жизнь — приключение. Иди. Живи!
Вон — побережье моря, реки, взгорья...

...Но ты смотри на помощь не зови,
Когда вдруг жизнь возьмет тебя за горло!..
В глухой тайге напьешься из корца...
Умрешь — положат в Грузии к чинаре...
И жизнь твоя, как повесть без конца
В том чудном и растрепанном журнале.

Когда нацизма вырвалась машина
Впервой на стратегический простор,
То в ползунках лиловых из сатина
Я выполз в коммунальный коридор.
...Вопил Бриан. В Мадриде шла коррида.
В Нью-Йорке ждали повышенья цен...
Я выползал. Соседские корыта
Поблескивали матово со стен...
Еще чуть-чуть, и ринуться армадам!
Смотри: забился кубик за комод!..

...Я подымусь на бруствер. С автоматом.
И сразу мне землей глаза забьет.

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ТЕТРАДИ

ПОТЕРЯ ПАФОСА

Легким горлом поется
сегодня на клиросе певчим.
А в подвалах горит воспаленность
на лицах гуляк.
Только ночь холодна,
только ночи похвастаться нечем.
И на древнем барокко потрескался лак.
Где же пафос достать?
Может, дать объявление в газету?
Где простертые длани?
Где молний удар из очес?
Люди мерно жуют, путешествуют, ссорятся...

Нету!

Все на месте, как было.
Но пафос исчез.
Как случилось, что пафоса вдруг
оскудели запасы?
Не запасы урана. И не запасы угля...
И выходит актер.

И, как фокусник, делает пассы,
и уходит он, зала не расшевели.
А чего там кричать?
Ну, чего горячиться?
Ироничность и тонкость?
Да я ведь их тоже ценю,
но нельзя же иронией жить!
Это только горчица,
лишь приправа.
А, собственно, где же меню?..
Прежде, словно меха,
раздувавшие горны,
поднимались манишки.
Но пафоса нет и следа.
Ведь летящие волосы
нынче и ложны и вздорны?
Пафос вышел, как в трещинку
тихо выходит вода.
Писем пылких не шлите.
Бросайте сухую открытку.
Не летите стремглав,
а ползите,
слегка тормозя...
Тот поплатится жизнью,
кто сделать способен попытку
стать высоким, когда
быть высоким
нельзя.

НА РЫНКЕ В РИМЕ

Торгует женщина случайными вещами,
протертый плащ она хотела сбыть...
Она глядит прекрасными очами,
которые нельзя не полюбить!
Вокруг галдеж! Шумят необычайно,
пятно скоблят. Сукно глядят на свет.
Что говорить, на свете все случайно,
не случаем ли сам явился ты на свет?
Прожженное пальто. А вот пиджак линючий.
Примерить бы его, а свой бы, право, снять.
Попробуй подойди! Не тот ли это случай?
Кто может что-нибудь на этом свете знать?

Рим, 1962

ПО ТУ СТОРОНУ ЛИЦА

Я как-то раз
на горячей дороге в Альпах, в местности,
где были когда-то концлагеря,
попал в самую середину пыльного
стада овец.

Овцы равнодушно обтекали меня,
как островок,
с обеих сторон.
Они тыкались своими тупыми
курчавыми мордами
в меня и друг в друга.

Они шли, как шли по этой дороге
тысячу лет назад,
и две тысячи лет назад.
Они текли, как текла бы
долина вместе с травой,
как текли бы холмы,
как небо с облаками...

Пастух схватил одного барана
и вынул складной нож.
Другой пастух стал разводить
костер для ужина.

Но если поднять лицо человека,
как крышку бака,
под ним будет клубиться
хаос.

Заульгау, 1964

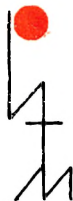

Рассматриваю древности столиц
Без всплесков рук, без громких междометий.
Упорно на меня с погасших лиц
Глядят глаза пятнадцати столетий.

Но не сладка на вкус, не солоната
История, а как-то пресновата!..
Под стеклами осела старина.
Примята под реликвиями вата.

История. Стоим на рубеже!
Твои уже не чувствуются токи!
Как будто ты окончилась уже,
И время подводит уже итоги.

Мюнхен, 1963

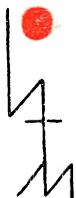
Художнику Медару Титгату

●

Художники, мы жили, снясь
Самим себе, но нас будили...
А жены? Те любили нас,
Но из подвалов уходили.
И, словно бы удар в висок,
Восторг был нужен для начала,
Затем, чтобы запел мазок
И чтобы краска закричала!
Откуда ж взять его? Глубок
Покой бессилья. Ждали днями...

Смешно, — но к нам спускался бог
И ел из миски вместе с нами!
Мы с ним рассориться могли б
За мелкой жизнью гулевою, —
Вдруг тоже появлялся нимб
Над нашей бедной головою.

Брюссель, 1965

Шоферы боятся самоубийц.

Однажды, видя, как парикмахер
натачивал бритву на ремне,
я подумал, что ритм правит миром.

Ритм задан миру.
Мир заведен, как бывают заведены туго,
до отказа часы.

Ночь с необходимостью сменяется днем.
На улицах помаргивают светофоры.
Ложечка методично вращается
в стакане швейцара Музея восточных культур.
Луна руководит в океане отливом и приливом.
Ритмичны пуговицы на жилете.
Мать, вытащив тяжелую, как гиря, грудь,
Покачивает ребенка.
Все живое пульсирует, как звезды.
Но кто знает, что может прийти
человеку в голову?

СОДЕРЖАНИЕ

Пророк	3
Автобиография	4
Ритм	6
Памятники	8
Велогонщики	9
«Что там ни говори, а мне дороже...»	13
«Когда, оставив на земле заботу...»	14
К вопросу о долголетию	15
Артель по выведению пятен	17
Зеркала	21
«Поэту все мешает на планете...»	22
История	23
Я рисую солнце	24
Государственность	25
Начало начал	27
«До мая несколько недель...»	28
Стихи о преувеличении	30
Идет Мольер	32
Одиночество	33
«Котловой кашею ожег...»	34
Серьезность	35

«Жизнь — это конь, что рвется из удил...»	38
«Вскинь классический лук и сквозь щель амбразуры...»	39
Игра	40
Наслаждение	41
Уход	42
«Я позабыл ее давным-давно...»	43
Сержант на концерте	44
«Низка моя осадка...»	46
«Когда я был весел, когда я был мо- лод...»	48
Вертикаль	49
«Ты надулась опять сегодня...»	50
Тело	51
«Я много знал, я много видел...»	55
Зрелища	56
Искренность	60
Величье	62
Спор	63
Риск	65
«Подумаешь, какое дело?!»	67
Сорок	68
«Вот «неотложка» едет на дом...»	72
Окончилась война	73
«Мир приключений» — был такой жур- нал...»	74
«Когда нацизма вырвалась маши- на...»	75

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ТЕТРАДИ

Потеря пафоса	76
На рынке в Риме	78
По ту сторону лица	79
В Дрезденской галерее	81
«Рассматриваю древности столиц...»	82
«Художники, мы жили, снясь...»	83
«Шоферы боятся самоубийц...»	84

ВИНОКУРОВ Евгений Михайлович

РИТМ

М. «Московский рабочий», 1966
85с. Р2

Редактор Т. ИЛЬИНА

Художественный редактор А. ИГНАТЬЕВА

Художник ВЛ. МЕДВЕДЕВ

Техн. редактор М. ШЛЫК

Корректор Л. ШАНДАРИНА

Издательство «Московский рабочий»,
Москва, пр. Владимирова, 6.

Л29043. Подписано к печати 1/VIII 1966 г.
Формат бумаги 60×92¹/₃₂ Бум. л. 1,37
Печ. л. 2,75. Уч.-изд. л. 2,21. Тираж 50 000.
Тем. план 1966 г. № 210. Цена 13 коп.
Зак. 379.

Типография изд-ва «Московский рабочий»,
Москва, Петровка, 17.

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ • РИТМ • ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

РИТМ • ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ • РИТМ • ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

РИТМ • ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ • РИТМ • ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ • РИТМ • ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ